Цѣна в Германіи 20 пфеннигъ.
Preis in Deutschland 20 Pfennig.
Подписная цѣна в Германіи 1 зол. марка в мѣсяц.
Цѣна об'явленій: Послѣ текста 30 пф. зол. за милим., в текстѣ 60 пф. за миллиметр.
Рукописи без обозначенія условій считаются безплатными. — Редакція не об'язана возвращать малыхъ рукописей.
Редакція газеты «Время» в Берлинѣ — Berlin W 8, Kronenstrasse 4-5. Телефон: Merkur 4340 и 4341.
Редактор принимает ежедневно от 12—1 ч.
Пріем подписки и об'явленій в конторѣ издательства Berlin W 8, Kronenstrasse 4-5. Телефон: Merkur 4340 и 4341.

ВРЕМЯ

„Wremja"
ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Gebr. Barenholz
GBN
производство • экспорт
вязальная шерсть
хлопчатобумажныя
изделія
предложеніе по требованію
Berlin SW 19, Wallstr. 11-12

№ 300 Берлин, Понедѣльник 21 апрѣля 1924 г. Год изданія VI

СОДЕРЖАНІЕ.

В. Назимов: Политическое воскресеніе М. С.: Христос и Іуда. Ник. Бережанскій: Напрасная жертва. Жак Нуар: Женскіе лики. На двух берегах. А. Лясковскій: Отвѣт Луначарскаго. В. Г. Короленко. Арк. Аверченко: Как держать себя на похоронах. Марк-Виктор: Мертвая жизнь.

В. Назимов.

Политическое воскресеніе.

В началѣ 1918 г., когда в Берлинѣ вышел номер 1 нашей газеты, которая вмѣстѣ с тѣм была первой русской газетой в Берлинѣ, весь мір был еще раздѣлен на два враждующих лагеря. Один из них близоруко торжествовал свою побѣду, и опьяненный этой побѣдой не знал предѣлов своему тріумфу. Другой — лежал распластанный на полу и был упоен торжеством «революціи», которым, как тогда казалось, также не было границ. И здѣсь и там говорили и мечтали лишь о расширеніи завоеваній, об углубленіи достигнутых результатов.

Было бы очень заманчиво писать о том, как и там и здѣсь радость смѣнилась печалью, как на мѣсто расцвѣта и ликованія пришли разложеніе, нищета и удрученность. Думается, что нынѣ во всем мірѣ нѣт ни одного благоразумнаго человѣка благословляющ. «великую» войну, а имѣются лишь люди, примирившіеся с извѣстным фактом и дѣлающіе из него нѣкіе практическіе выводы. Вступила в свои права обыденная и вмѣстѣ с тѣм интересная жизнь, мір былыми побѣдами и пораженіями интересуется лишь «постолько — поскольку» и ищет путей, шагая по которым можно было бы достигнуть весьма скромных с точки зрѣнія ревнителей и великих полководцев результатов. Нынѣ на первом мѣстѣ стоит добыча насущнаго хлѣба и приведеніе хотя бы в нѣкоторый порядок огромнаго и сложнаго механизма, который называется міровым хозяйством. Перед этой задачей тушевѣет даже проблема консолидаціи политических организмов, отчасти заново созданных войной, отчасти обновленных, отчасти, наконец, суженных послѣдней.

Выпуск трехсотый нашей газеты совпадает с международным рѣшеніем весьма огромной важности. Комиссія свѣдущих людей из цѣлаго ряда стран по вопросу об изысканіи путей и средств к восстановленію хозяйственнаго и финансоваго организма Германіи, а также о способѣ разрѣшенія репараціоннаго вопроса сказала свое слово. Значительность этого слова заключается не в том, что Комиссія опредѣлила сколько Германія должна уплатить и в какіе сроки, а в том, что весь репараціонный вопрос выдвинут ею из плоскости политики, и поставлен в центр исключительно дѣлового обсужденія. Тѣм самым Комиссія, а вслѣд за нею и репараціонная инстанція, опредѣленно оставили облюбованные побѣдителями, а в частности Франціей и Бельгіей, старые методы, и в значительной мѣрѣ приблизились к тому пути умиротворенія Европы, который, еще год—два тому назад считался либо утопическим, либо-же просто предательским и антипатріотичным. Считался он таковым не только в странах побѣдивших, но и в странах побѣжденных. Уже то обстоятельство, что и Германія, и бывшіе враги ея без исключенія принципіально согласились на предложеніе Комиссіи Экспертов, свидѣтельствует о том, что в международных отношеніях, в значительной степени протекавших в послѣдніе годы в атмосферѣ безусловно отравленной ненавистью, недовѣріем и жадностью, произошел весьма рѣзкій поворот в сторону благоразумія и дѣловитости.

Не подлежит сомнѣнію, что рѣшеніе Комиссіи Экспертов страдает цѣлым рядом недостатков, из которых позволительно будет отмѣтить хотя бы только два. Прежде всего Комиссія не опредѣлила окончательной суммы германскаго долга. А это означает, что кредитоспособность Германіи на международном денежном рынкѣ, без помощи котораго не выполнимы требованія Комиссіи, еще далеко не установлена. Поставлены под сомнѣніе и самый факт реализаціи кредитов в пользу Германіи и размѣр послѣдних. Далѣе, как нам кажется, Комиссія весьма оптимистически оцѣнила платежеспособность Германіи в теченіе первых четырех-пяти лѣт. Безусловный мораторій в теченіе этого времени был бы болѣе умѣстен вмѣсто мораторія скрытаго и отягощеннаго поставками натурой. Что-же касается платежей послѣдующих годов, то опредѣленнаго мнѣнія о выполнимости послѣдних высказывать не приходится. Экономическое развитіе Германіи в теченіе ближайших послѣ мораторія десятилѣтій—книга о семи печатях, и Комиссія Экспертов, повидимому, не рѣшилась высказать на этот счет своего мнѣнія.

Но, как бы то ни было, легче принять на себя опредѣленно тяжелое обязательство, чѣм обязательство, размѣры котораго неизвѣстны, и сумма котораго может быть измѣнена в любой момент по политическому или иному капризу. Важно то, что сдѣлано извѣстное начало, которое может быть очень многообѣщающим. Само собою разумѣется, что с принятіем этого начала европейскій вопрос еще далеко не рѣшен. Мы, европейцы, судьбой не были избалованы в теченіе истекшаго десятилѣтія. Мы благодарны ей уже за то, что она открывает нам хотя бы маленькій кусочек лазуриаго неба надежды и прочнаго мира.

В. Назимов.

Христос и Іуда.

Умолк надзвѣздный хоровод
От человѣческаго стона,
Покинув Божій небосвод,
Христос сошел на землю с трона.
Лежат в пыли его кресты
У входа в капища Маммона,
И храмы, как сердца, пусты,
Без алтаря и без амвона.
На смерть обречены борцы
В угоду черни кровожадной,
Им уготовлены вѣнцы
Из терніев и крови смрадной.
Возстал на брата злобный брат.
Забыто слово всепрощенья.
Первосвященник и Пилат
Об'яты ѣдкой жаждой мщенья.
Бунтует раб, бунтует князь,
На лицах язвы, в душах струпья,
Живых чумит земная грязь,
В могилах — сваленныя трупья.
Христос в тоскѣ, без слез и слов,
Молился Богу-Саваоѳу:
«Благослови, отец! Готов
«Взойти опять я на Голгоѳу...»

Настали жертвенные дни. Но звон
Сребра, молитвы шопот
И крик: «распни его, распни!» —
Все заглушил іудин хохот:
«Ты алчешь зова: «искупи!..»
«Тебя манит страданій слава?
«Безсмертный Бог! Ковыль в степи
«На смерть имѣет больше права.
«Ты возлюбил себя, гордец!
«Днесь одного не распинают.
«Народы носят твой вѣнец,
«Народы на крестѣ страдают.
«В борьбѣ со мной спасенья нѣт.
«Любовь и смерть — моя причуда.
«Я уничтожил твой завѣт,
«Мертв Искупитель, жив Іуда!..»

—

Померк Христов печальный лик,
Щека прорѣзалась слезинкой,
Главою он к землѣ приник
И искупил цветок росинкой.

М. С.

Касаясь кіевскаго процесса, еще до приговора «Послѣднія Новости» писали:

> Общественное мнѣніе с тревогой слѣдит за разрѣшеніем кіевскаго процесса. При каком угодно правительствѣ строгій приговор по такому процессу был бы совершенно немыслим. Но Россія живет под совѣтским правительством и никак нельзя знать, на что это правительство способно.
>
> Телеграмма Пуанкаре Чичерину отражающая волненіе, охватившее весь цивилизованный мір по поводу кіевскаго процесса, ярко свидѣтельствует об отсутствіи этой увѣренности. В момент, когда совѣтскую власть допускают в международное культурное общеніе, не прислушаться к голосу міровой совѣсти и подтвердить мнѣніе, что в Совѣтской Россіи даже самая лойяльная оппозиція является тяжким политическим преступленіем, было бы опасно прежде всего для самой этой власти.

Ник. Бережанскій.

Напрасная жертва.

У нас дома была интересная гравюра, кажется, с картины нѣмецкаго художника Клингера, которая в дѣтствѣ преслѣдовала меня своей страшной символикой. Мимо растерзаннаго, окровавленнаго Христа, поднятаго на крест, длинной вереницей слѣдуют «христіане» нашего времени.

Толстый откормленный богач, поигрывающій золотыми брелоками на толстом животѣ. Какой-то господин в изящном цилиндрѣ с портфелем подмышкой, с моноклем в тусклом глазу и пошлым лицом политика-профессіонала. За ним приплясывающій и весело насвистывающій бульвардье под руку с одной из «этих» дам. Лихой генерал с цѣлым иконостасом орденов и крестов на груди нагло задѣвает бряцающей саблей окровавленные камни Голгофы. Разряженная в шелка и мѣха модная кокотка с собачкой в муфтѣ презрительно кривит уголки тонких губ и брезгливо морщится, глядя на муки и корчи Распятаго. Она находит это зрѣлище на Голгофѣ не достаточно пикантным.

А внизу этой гравюры была помѣщена жуткая по своей выразительности и изумительно вѣрная по своей философіи надпись:

«Неужели за этих я пролил кровь свою»?

Я точно не знаю, так ли называлась эта картина Клингера, но если даже и не так, то нужно отдать должное русскому граверу, он оказал картинѣ Клингера колоссальную услугу, сопроводив ее такой надписью.

В самом дѣлѣ, стоило ли вообще проливать кровь для спасенія людей?

Не была ли пролита прекрасная кровь на Голгофѣ напрасно? Жертва не оказалась ли тщетной?

Уже через тысячу лѣт величественная трагедія на Голгофѣ на практикѣ переродилась в кощунственная водевиль.

Да, в водевиль, в великій историческій подлог и обман, об'ем и размѣр котораго не в состояніи был бы опредѣлить даже сам Распятый, если бы он явился теперь на землю.

Его приход в наши дни на землю, чтобы «исправить закон», явился бы для него мукой, много горшей мук голгофских, потому что теперь ему пришлось бы имѣть дѣло не с немудрствующими лукаво мытарями и фарисеями, не с маленьким и наивным сатаной, искушающим его земными владѣніями с церковной крыши, не с недалеким Пилатом—теперь бы его встрѣтили «христіане» нашего времени, пророки и намѣстники Христа, вооруженные всей утонченностью христіанской культуры.

Александр Лясковскій.

Отвѣт Луначарскаго В. Г. Короленко.

(Запоздалый отвѣт).

«Шесть писем» Короленко к Луначарскому явились, как извѣстно, результатом личных переговоров и взаимосоглашенія: Луначарскій обѣщал эти письма опубликовать в совѣтской прессѣ.

Со свойственной Короленко прямотой и искренностью он писал в своих письмах обо всем, о чем думал, что чувствовал, чему был свидѣтелем, во что считал своим человѣческим долгом вмѣшаться: протестовал против безсудных разстрѣлов, против дѣтоубійства, возмущался «классовой» ложью, негодовал против квалифицированія интеллигенціи, как врагов народа, безпощадно укорял большевиков в том, что они обманули народ и, увлекшись «фантастическим» коммунизмом, отошли от пролетаріата, называл коммуну «отромным паразитом», питающимся от трупа убитой буржуазной промышленности.

Могли ли такія письма появиться в совѣтской печати? Конечно, нѣт. Короленко отлично знал это. И может быть потому откровеннѣе был в своих письмах, и ядовитѣе пускал свои стрѣлы по дѣйствительности совѣтскаго режима.

Луначарскій не только не опубликовал писем Короленко, но даже не отвѣтил на них, не нашел нужным «входить в разсмотрѣніе» считая, что они «представляют собою лишнюю реакцію чисто либеральных возраженій против революціи». Вмѣсто отвѣта на протест Короленко против безсудных разстрѣлов он послал Владиміру Галактіоновичу книгу Троцкаго о терроризмѣ, которая «заранѣе предвидя возраженія Короленко, заранѣе на них побѣдоносно (sic) отвѣчала».

И вот только теперь, спустя два года послѣ смерти автора писем, Луначарскій вздумал на них отвѣчать.*) Разумѣется теперь ему это легче. Короленко нѣт в живых и можно говорить развязнѣе.

Многое и очень многое из того, что предсказывал Короленко, сбылось, и это должно бы было подсказать Луначарскому не вспоминать-уж стараго. Но Луначарскаго это не смущает. Письма Короленко произвели сильное, неблагопріятное для совѣтской власти впечатлѣніе заграницей — надо же это впечатлѣніе хоть немного разсѣять. И вот, обойдя, устранив всѣ факты, на которые указывалось в письмах, он обрушивается на самого автора писем.

Трудно было себѣ представить, чтобы нашелся человѣк, который дерзнул бы осквернить свѣтлый образ Короленко.

Это сдѣлал Луначарскій.

Письма Короленко, благородныя письма, правдивыя, говорившія о «страшной правдѣ» не могли, конечно, не возмутить коммунистическаго сердца Луначарскаго. Три года вынашивал он в себѣ это возмущеніе и злобу против Короленко и, наконец, в отместку за брошенныя обвиненія и «оскорбленія», послал ему в догонку в «иной мір» безсмысленную фразу: «болтун».

Что до того, что всѣ считают Короленко выдающимся художником писателем, «символом гражданской чести и справедливости», адвокатом человѣчества, неустанным борцом против насилій и произвола; для Луначарскаго он — «болтун». Его пламенныя слова в защиту человѣческих жизней, его горячіе протесты против административных казней (большевицких), против озвѣрѣнія чекистов — это «болтовня».

Луначарскому очень хотѣлось бы считать Короленко в своем лагерѣ. Он пишет, что «трудно представить себѣ болѣе благородный человѣческій и писательскій облик, чѣм фигуру Владиміра Галактіоновича», он признает, что в настоящее время, «когда сердца наши немножко обросли «шерстью», когда и «молодежь то наша — волчата» не мѣшает «прислушаться к чудесным и благородным мелодіям, родственным тому будущему, к которому мы стремимся». Воспитать в себѣ «кое что» от Короленко, этого «прекраснаго, чистаго, смѣтнаго, ласковаго, теплаго гуманизма», слѣдует. Но, «Боже сохрани — говорит Луначарскій — кому нибудь из сынов революціи сдѣлаться короленковцем». Почему? Потому что Короленко считает коммунизм утопическим, потом что он против «каленаго желѣза», против «сжиганія деревень» в цѣлях успѣха продовольственной политики, потому что он против безсмысленнаго пролитія человѣческой крови.

Луначарскій констатирует, что «Короленко во время пребыванія в Полтавѣ бѣлых «не гнулся», «говорил им много горькой правды», с удовольствіем отмѣчает, что он «наотрѣз отказался покинуть Полтаву при вступленіи красных войск», и поддерживал «личныя и глубоко товарищескія отношенія» с большевиками.

Все это было пріемлемо для совѣтской власти, радовало ее. Но как только Короленко начал говорить «горькую» правду большевикам, это уже не понравилось.

Вот вот был уж совсѣм «свой», и «не гнулся» перед бѣлыми, и говорил им «горькую» правду, и не ушел с ними и, вдруг, «шесть писем», жестоко осуждающих и бичующих большевиков и их зоологическіе методы осуществленія социализма. Луначарскій не может понять: как это случилось, «что такая необыкновенная, благородная натура, такой недюжинный ум, такое революціонное сердце могли перемѣститься слѣва направо столь замѣтно, т. е. оказаться чуть ли не в такой же рѣзкой оппозиціи по отношенію к пролетарскому правительству, в какой был Короленко по отношенію к правительству царскому». Луначарскій не может понять и другого, что человѣк, который закален в том, чтобы говорить правду, должен говорить ее всѣм и при всѣх обстоятельствах. Не всѣ это могут дѣлать в Совѣтской Россіи при диктатурѣ коммунистов, а Короленко не убоялся, смог, нашел в себѣ достаточно мужества, чтобы высказать горькую правду и большевикам.

И раньше, при царском режимѣ Короленко считал своим долгом протестовать против несправедливостей этаго режима, брать под свою защиту жертвы этих несправедливостей. То же самое он дѣлал при бѣлых, то же не переставал дѣлать и при большевиках. Протестовать против смертных казней, спасать жизни из большевицких застѣнков он считал своей священной обязанностью.

При царском режимѣ это нужно дѣлать и должно, но при большевиках, нѣт. Все прекраснодушіе Короленко, его гуманизм Луначарскій считает «праведническим воркованіем» не больше, которое не есть вовсе «исполненіе социальнаго долга», а размахиваніе «масляничными вѣтвями» несносное сейчас и вредное.

«Праведники в ужасѣ от того, что руки наши обагрены кровью. Праведники в отчаяніи по поводу наших жестокостей. И в то самое время, когда праведник осуждает нас за это перед лицом любви, мы, перед тѣм же лицом и не менѣе сурово осуждаем его. Мы для него палачи, а он для нас болтун».

«Болтовня» Короленко была все же какой то особенной, ибо тут же Луначарскій пишет: «я и сам провел с ним (Короленко) нѣсколько часов в чрезвычайно содержательной и глубокой бесѣдѣ, из которой убѣдился, что он кдумчиво выражал цѣлый ряд несогласій» и т. д. Большевики старались понять эту «болтовню» Короленко... И поняли, конечно, но, так как не праведники с их болтовней» и «масляничными вѣтвями» нужны большевикам, а чекисты, то отвергли «воркующіе» совѣты «праведника» и разошлись с ним.

Кто от этого потерял? Разумѣется, совѣтская власть. Большевики могут и способны превращать людей только в чекистов. Необходимость в распространеніи гуманитарных идей большая. Сам же Луначарскій признает, что «сердца наши немножко обросли шерстью», а вот когда раздается голос, призывающій во имя человѣческой справедливости к гуманизму, к воздержанію от пролитія крови, его призыв называют «болтовней».

Большую часть своей статьи Луначарскій посвятил протесту Короленко против смертных казней. Остальныя, выдвинутыя Короленко положенія оспаривать не приходится, как многое из предсказаній Короленко, как мы уже говорили, сбылось. Ответ Луначарскаго запоздал.

Александр Лясковскій.

*) Ст. «Праведник», являющаяся отвѣтом на письма Короленко, помѣщена в нью-йорск. газ. «Русскій Голос» № 2465—67.

ОБЗОР ПЕЧАТИ.

По поводу рѣшенія коммунистов увеличить численный состав коммунистической партіи «Руль» пишет, что в рѣшеніи этом

> сказалась одновременно и уступка оппозиціи (по крайней мѣрѣ нѣкоторой ея части) и средства борьбы с ней. Уступка заключалась в том, что этим призывом как бы усиливался пролетарскій характер коммунистической партіи.
>
> Но будучи в нѣкотором смыслѣ уступкой налѣво, призыв вмѣстѣ с тѣм предназначен и закрѣпить положеніе нынѣшней коммунистической власти, — ибо он сопровождается одновременно чисткой наличнаго состава партіи.

Выгода от этого для коммунистической партіи слѣдующая: в партію вливается масса сѣрая, некультурная и к тому же разсѣянная по всей Россіи, слѣдовательно неопытная, безпомощная и — во всяком случаѣ на первых порах — безсловесная. Поэтому она пока безвредна для начальства.

В связи с предоставленіем ГПУ права на разстрѣл «контр-революціонеров» «Дни» замѣчают:

> Послѣ всего совершеннаго Лениными, Дзержинскими и Зиновьевыми — новый разгул ком-палачей никого не удивит. И на безплодное словесное негодованіе не стоит тратить время.
>
> Стоит только для будущаго разсчета подчеркнуть, когда, в какую минуту открыто возстанавливается в Россіи... стѣнка.

ДЛЯ ДАМ
Переворот в косметикѣ • Поразительное изобрѣтеніе François Haby
„Glycita Crême Haby"
в 8 оттѣнках:
бѣлый • розовый • chamois • naturel
с загаром • смуглый • красный
пурпуровый

оригинальная упаковка

обладает преимуществом придавать лицу свѣжія краски или нѣжную, матовую бѣлизну и имѣется в разных оттѣнках, как пудра. Пурпуровый крем особенно пригоден для окраски губ, при совершенном отсутствіи жировых веществ.

Всего болѣе заслуживает вниманія то несравненное качество, что „Glycita Creme Haby" служит одновременно для ухода за кожей; он удовлетворяет самым строгим требованіям, придавая кожѣ замѣчательную нѣжность, совершенно сглаживая морщины на лицѣ и шеѣ и при постоянном употребленіи производя поразительное дѣйствіе на кожу лица.

Для ухода за кожей лица, рук и других частей тѣла перед сном слѣдует пользоваться бѣлым „Glycita Creme Haby". Днем рекомендуется употреблять для освѣженія цвѣта лица один из имѣющихся нюансов. Даже женщины, совершенно отрицательно относящіяся к макильяжу, могут нынѣ при помощи „Glycita Creme Haby" придавать своему лицу легкій колорит свѣжести, ибо „Glycita Creme Haby," даже в своих разнообразных оттѣнках ни что иное, как превосходный крем для втиранія.

„Glycita Creme Haby" не содержит вредных веществ и обладает самым утонченным, чарующим запахом.

Прошу в день появленія моего новаго изобрѣтенія тотчас же замѣтить себѣ его патентованное названіе „Glycita," чтобы отказываться от всяких предлагаемых поддѣлок. Продается в аптеках, аптекарских и парфюмерных магазинах, у парикмахеров; можно получить непосредственно у фабриканта

François Haby, Kgl. Hofl.
ПАРФЮМЕРНАЯ ФАБРИКА
Berlin W 56, Oberwallstrasse 19